

Ник Ремени Клеймёный

Роман

ГЛАВА 1 Головокружение от успехов

1

Летом 1933 года Семен Васильевич Руднев после полугодичной службы во Владивостоке прибыл в строящийся Де-Кастринский укрепрайон. Вместе с ним приехали жена Домникия Даниловна и сын Радий.

Стояла тихая погода. Море застыло в неподвижности. Его серая гладь сливалась воедино с видневшимися вдалеке сопками, островками тайги и даже с отвесными темными скалами.

Семен Васильевич смотрел на втиснутую между двух скал бухту, в которую они входили, на узкий залив, и думал, что никогда еще судьба не забрасывала его так далеко от родного дома.

Пароход «Тобольск» пыхтел, недовольно бросался черным дымом, осторожно приближался к скалистому берегу.

Прозвучал протяжный гудок. Его звук разными голосами повторили скалы. Судно причалило к берегу.

Семья по скрипучему трапу спустилась на серый бетонный пирс. Семен Васильевич тащил два коричневых чемодана с блестящими металлическими набивками по углам. Домникия Даниловна несла разбухшую от вещей сумку. Радик плелся за ними с несколькими упаковками.

На берегу их встретил молодой красноармеец. Высокий, стройный парень.

— Руднев Семен Васильевич? — спросил он.

— Руднев.

— Товарищ полковой комиссар, вас велено доставить к месту проживания.

Недалеко стояла повозка, аккуратно застеленная травой.

Семен Васильевич сначала помог взобраться на телегу Домникии Даниловне. Поставил на траву чемоданы с вещами, которые они таскали из гарнизона в гарнизон. Аккуратно разложил остальной багаж. Сел возле жены. Радик лихо вскочил на повозку сзади.

Красноармеец стеганул лошадь. Она нехотя побрела по раскисшей после недавнего дождя земле. Телегу тянуло из стороны в сторону, колеса бросали вязкую глинистую землю, стучали на

камнях, которые выступали то здесь, то там на мягком грунте.

«Тобольск» «затянул» сипло у-гу-гу, запыхтел, пуская из трубы черный дым, и отчалил от берега. Семен и Домникия уставились на него темными глазами. Несколько минут не двигались, не отрывали от него пристальных взглядов. Им казалось, что вместе с теплоходом «Тобольск» от них уходил весь цивилизованный мир.

Домникия Даниловна вспоминала Европейскую часть Советского Союза, особенно милую Украину, где до этого провели с мужем большую часть жизни. А также незабываемый Ленинград с его белыми бессонными ночами, с разводными мостами, с дворцами и храмами.

После получения диплома военно-политической академии им. Толмачева, после нескольких лет, проведенных в Севастополе, судьба их забросила на самый край земли. В дикие, забытые людьми и Богом, места.

Не удержалась от нахлынувших эмоций. Вспомнила, как добирались до Владивостока, где муж прослужил полгода. Ехали несколько недель. В составе пассажирского поезда находился товарный вагон с маленьким окошком с решеткой. На каждой остановке в окошко лезли заросшие, грязные лица.

— Курить! — жалобно повторял худой заросший паренек.

Он протягивал через решетку руку и интенсивно махал ею, пытаясь привлечь внимание.

Крики паренька утопали в стуке колес проходящих поездов, говоре людских голосов, надрывных гудках паровозов. Измотанные долгой дорогой, уставшие от жизни обладатели мест в пассажирских вагонах спешили в течение коротких остановок обеспечить себя самым необходимым: купить пирожков с ливером или капустой, хлеба, воды, махорки или папирос.

На каждой остановке Рудневы выходили из вагона. Разминались и дышали свежим воздухом на перроне. Благо еще в Москве они заблаговременно закупили продукты питания. Щепетильная Домникия Даниловна тщательно подсчитала, что им потребуется, чтобы доехать до Владивостока.

Всем членам семьи жалобные крики не давали покоя. Радик, который в своей недолгой жизни видел многое, спросил отца:

— Почему их везут в товарняке?

— Потому, что они заключенные, опасные для общества.

Его мама не вмешивалась в мужской разговор. Но на одной из остановок, уже в Мариинске, не выдержала. Купила папирос, направилась к товарняку.

— Нема! Сентиментальность здесь ни к чему. Не вздумай! — пытался остановить ее Семен Васильевич.

Но жена уже не слышала мужа. Она протянула в худую руку подростка пачку папирос.

Цыганка рядом, которая наблюдала за ними, сказала:

— Начальник, от сумы и тюрьмы не зарекайся. Думаешь, если поимел гимнастерку и хромовые сапоги, всю жизнь будешь в высоком кабинете сидеть!?

Поезд тронулся. Рудневы поспешили в вагон. Цыганка с маленьким ребенком на руках осталась на перроне. Супруги ни разу не вспомнили товарняк. Но чем дальше они продвигались по транссибирской магистрали, тем чаще встречались с вагонами с заключенными.

Теперь Домникия Даниловна вспоминала поездку на Дальний Восток. Знала, что будет неприятно мужу, но не могла сдержаться:

— Мне кажется: нас пригнали сюда по этапу.

За тринадцать лет совместной жизни Руднев хорошо изучил свою жену и благодарил судьбу, что она свела его в Кадиевке, на Донбассе, с молоденькой учительницей-комсомолкой. Ее отец-шахтер подорвал здоровье, рано умер, мама тяжело работала. Это не помешало целеустремленной девушке получить образование.

В самые тяжелые для него годы разрухи и нищеты она помогла выстоять, создать семью, окончить академию. Она везде была рядом с ним, разделяла полный лишений образ жизни, когда маленькая комната на двоих в общежитии кажется пределом мечтаний.

Окружающие принимали их за брата и сестру, настолько походили они друг на друга. Их быт был скромн. Она имела пару платьев и кофт, одни туфли, осенью, зимой и весной носила одно и то же пальто. Вся ее одежда помещалась в одном чемодане.

Если Нема говорила такое, значит, на то у нее были веские причины.

Руднев тоже постоянно сталкивался не только с будущими уголовниками, но и с политическими, которых выявляли и судили по известной 58-й статье. Бытовало мнение, что их судили ни за что. Но напряженная служба не давала ему времени разобраться в этих вопросах. В своих частях он делал все, чтобы невинный человек не пострадал. Товарняки с решетками вызывали смутную тревогу у Семена Васильевича.

Тем не менее, он попытался успокоить жену, что не все так плохо в этой стране, они быстро обживутся на новом месте.

Нема оглянулась вокруг: на виднеющийся краешек моря, отвесные скалы, на дремучий лес и

сопки — дикий, заброшенный край на самом конце земли, сказала:

— Заехали. Дальше некуда!

Семен Васильевич ничего не ответил. Он посмотрел на строящиеся огневые точки, на множество людей, которые сновали возле них. Они занимались в основном бетонными работами. Все делали вручную, лишь иногда используя лошадей, совсем редко — грузовые автомобили, трактора и другую технику. У него вначале мелькнула мысль: что привело сюда этих людей. Пусть военным приказали. В укрепрайоне полно гражданских лиц.

Но вспомнил, что японцы уже завоевали северо-восточную часть Китая, посягают и на советские территории. Значит, так надо государству: здесь, в забытом людьми уголке, построить неприступную крепость, оплот завоеваний Октября на Дальнем Востоке.

Семен Васильевич взглянул на жену, вспомнив, сколько она пережила, произнес с расстановкой:

— Нам выбирать не приходится. Куда пошлют, туда и едем.

Домникия Даниловна поняла, что сказала лишнее, чтобы не волновать мужа, добавила:

— Праздники не могут продолжаться бесконечно. Придется жить без Ленинграда, Херсона, Николаева и Севастополя.

— Но мы еще возвратимся в Украину со старинными храмами Путивля, терриконами Донбасса и белыми вишневыми садами, — заверил ее Семен Васильевич.

Лошадь неторопливо брела по разбитой дороге. Впереди показалось небольшое селение. Оно состояло из белых деревянных домиков с резными ставнями. Они раскинулись на невысокой сопке. С востока ее окружал густой таежный лес, с запада она выходила на дикие луга, которые чередовались с мелким кустарником и болотами.

Стройному, подтянутому полковому комиссару исполнилось 33 года, хотя по паспорту считалось 34. Чтобы приняли на завод, пришлось при получении документа добавить год. Теперь он вел двойной счет своему возрасту.

Семен Васильевич выглядел моложе своих лет. Стройный, в строго подогнанной военной форме, в до блеска начищенных сапогах. Смуглое лицо военного дополняли темно-русые волосы, строго зачесанные назад и тщательно уложенные.

По окончании военно-политической академии имени Толмачева в Ленинграде Руднева назначили начальником политотдела 61-го зенитно-артиллерийского полка береговой обороны Морских Сил Чёрного моря. Жили тогда в Севастополе и радовались такому назначению.

Привыкли к теплу, мягкому климату Крыма с жарким летом и дождливой зимой.

К сожалению, Севастополь пришлось покинуть. В 1932 году Семен Васильевич — начальник политотдела 9-й артиллерийской бригады береговой обороны Морских Сил Дальнего Востока. И вот они в Де-Кастри...

Немного пониже мужа, худенькая, стройная, такая же темноглазая и смуглая, как Семен Васильевич, Домникия Даниловна уже жалела, что не удержалась, высказала мужу свое первое впечатление. Ее нельзя было отнести к избалованным женщинам с капризами, с какими-то особыми претензиями. Понимала, что ему тоже несладко. Корила себя, что не могла удержаться от эмоций при виде уходящего парохода.

Радик не вникал в вечные дискуссии родителей. Он сидел спиной к ним, болтал свисающими с телеги ногами и любовался зеленью лесов, нетронутой природой. Он привык к гарнизонам, военным городкам и казармам, и перемену места жительства воспринимал как обычное дело.

Семен Васильевич относился к новому назначению тоже спокойно. Он считал себя рядовым партии и счел своей обязанностью находиться там, где она прикажет.

Бухта Де-Кастри исчезла из виду. Лошадь приближалась к деревянным домикам.

— Здесь живет командный состав, — объяснил словоохотливый красноармеец.

Домики были выстроены давно, зияли темными окнами, которые уже нагляделись на мир.

По скрипящим полам зашли в помещение. Печка, лавка, грубо сколоченные деревянный столик и табуретки. Вот все, что находилось в домике.

Парень помог перенести вещи, вежливо попрощался и уехал.

Новое жильё не вызывало у четы Рудневых особого восторга. Маленькие окна, низенькие потолки. Отсутствие мебели. Даже минимума для жизни.

Это еще больше испортило настроение не избалованной излишествами Домникии Даниловны.

— Ничего, обустроимся, — успокаивал супругу Руднев.

— Лишь бы у тебя по службе сложилось. А мы привыкнем. Правда, Радя?! — спросила она.

— Лишь бы было с кем в футбол погонять. Остальное приложится.

— Вот это настоящий мужской разговор, — поддержал сына отец.

— Молодцы, так держать! — засмеялась его жена.

Спать легли довольно поздно. Но сон Семена Васильевича оказался коротким. Ему снился Лев Троцкий. Лейба Давыдович Бронштейн. Пламенный оратор с пышными черными волосами, с острой черной бородкой. Позже шутили, что он был похож на козла в очках.

Тысячи людей, в том числе юный Семен, слушали завораживающие слова оратора. Троцкий говорил нужные народу слова. Что Советская власть уничтожит окопную страду. Она даст землю и уврачуует внутреннюю разруху. Советская власть отдаст все, что есть в стране, бедноте и окопникам.

Толпа ликовала... Ей предложили резолюцию: за рабоче-крестьянское дело стоять до последней капли крови...

— Кто за? — спросил Лев Давыдович.

Огромная толпа, как один человек, вздернула руки.

— Пусть ваш голос будет вашей клятвой поддерживать всеми силами и со всей самоотверженностью Совет, который взял на себя великое бремя довести победу революции до конца и дать людям землю, хлеб и мир.

Троцкий, как председатель Петросовета, проводил четкую линию, чтобы в период двоевластия склонить народ, в первую очередь, армию, на свою сторону. До революции Троцкий никогда не принадлежал к ленинской партии

профессиональных революционеров. Известно, что приехав в Россию после Февральской революции, он сначала вошел в группу «межрайонцев», с которыми летом 1917 года и влился, в конце концов, в ленинскую организацию.

То есть Троцкий до революции не был большевиком. Позже под влиянием В. И. Ленина он убедился окончательно и бесповоротно, что самый справедливый строй на земле, — коммунизм.

Когда Лев Давыдович приехал в Петроград, Ленина там еще не было. Троцкий спокойно и уверенно готовил вооруженное восстание, о котором говорил Владимир Ильич.

Тот еще скрывался в Финляндии, но призывал к вооруженному восстанию. Боялся: можно опоздать, упустить власть. Он требовал начинать восстание немедленно. Троцкий не спешил. Не видел особого смысла в восстании.

В стране брожение идей. Митинги, горячие речи, щедрые обещания. Дни, один интереснее другого.

Финляндский вокзал. Вместе с рабочими Русско-Балтийского завода Семен шагнул туда с надеждой и волнением. Сеня приехал в Питер в 1914 году к старшему брату Василию. На первых порах работал рассыльным, потом его перевели учеником в столярно-сборочный цех. Расторопного и неробкого паренька заметили большевики.

Привлекли к своей деятельности. Он распространял листовки, участвовал в забастовках, демонстрациях и других массовых мероприятиях рабочих.

В 1916 году юношу арестовали жандармы, нашли у него листовки. Посадили в выборгскую политическую тюрьму «Кресты». Около четырех месяцев провел Сеня в «романовской предварилровке». Держался стойко, спокойно отвергал предъявляемые ему обвинения.

В бурные дни Февральской буржуазно-демократической революции записался в красногвардейский отряд, вступил в ряды в РКП(б). И вот он вместе со своими друзьями-заводчанами встречает Владимира Ильича Ленина.

На перрон вышел простой, уже не молодой, среднего роста, лысый мужчина. С помощью рабочих быстро взобрался на броневик, окруженный со всех сторон несокрушимой стеной вооруженных солдат и матросов. Энергично размахивая руками, произнес знаменитую речь, ставшую потом боевой программой. Всем доступные и понятные слова о мире, земле, власти рабочих и крестьян. Собрание неистовствует.

— Ульянов-Ленин! Владимир Ильич, — скандирует толпа.

Он выступает. Никто не догадывается, что он торопится, он боится, что не получится уже тысячу

раз продуманная и проговоренная операция по захвату власти. Так называемая революция.

Огромное человеческое море ликует, летят вверх головные уборы, слышится громогласное «ура!», в котором утопает и юный звонкий голос Семена.

В холодную октябрьскую ночь того же семнадцатого года брал участие в штурме Зимнего. Как в крепости, засели там такие же молодые, как он, ребята. Они не жалели патронов, они защищали законное правительство от нашествия дикой толпы, поливали атакующих из пулеметов. Но разве они могли остановить восставший народ?!

Штурм Зимнего оставил самый яркий след в его жизни. Ему часто снились люди в папахах с красными лентами, такими же красными, как лужицы крови на мостовой, в матросских бескозырках, люди с оружием, греющиеся у костров, революционно настроенные матросы, солдаты, бесконечные разговоры о том, что наконец-то они заживут мирной обеспеченной жизнью.

Ему часто снился бой под Пулковым, когда малочисленным, слабо вооруженным революционным отрядам надо было любой ценой остановить корниловские казачьи полки, рвущиеся в красный Питер, чтоб потопить в крови революцию. Тогда, в бою, на юного Семена

набросился огромный казак. Руднев успел выбить из рук врага клинок. Вцепились друг в друга. Силы были не равны. Верзила подмял под себя паренька и схватил его за горло. У Сени перехватило дыхание, потемнело в глазах... Вовремя на помощь подоспел земляк Витя Чупахин. Он убил беляка.

Семен Васильевич метался во сне, как много лет назад, пытался увернуться от тяжелых рук плотного казака, а тот схватил за горло обеими руками и душил, душил, не давал дышать.

Семен Васильевич закричал и проснулся. Приводил в порядок учащенное дыхание, не двигался, чтобы не разбудить жену. Она тоже нагляделась за эти годы. И если проснется, им предстоит бессонная ночь.

Он задремал. Поплыли сумрачные воспоминания о том, как его в числе других красноармейцев направили на охрану Смольного. И вот ночью, едва заступил на пост у двери с табличкой № 67, перед ним неожиданно появился Владимир Ильич. Спросил, не тяжело ли ему, такому молодому, дежурить в столь поздний час...

Он ответил:

— Не тяжело.

С тех пор прошло много лет, а он помнил каждое слово Ильича, его усталый, грустный и пронизательный взгляд, разговор о том, что

революцию мало совершить, ее надо защищать. И это значительно труднее...

Юному Семену вырисовывалось светлое будущее. Славное и большое. Как и многие другие, он был полон решимости строить новую жизнь. Но иллюзии продолжались недолго. Следом за громкими речами последовали тяжелые будни. Уже в декабре 1917 года был установлен режим «военного коммунизма» с его всеобщим огосударствлением экономики, трудовой повинностью и продразвёрсткой. Власть начали открыто обвинять в возврате к рабовладельческим методам.

Вместо мира надолго затянулась братоубийственная Гражданская война. Страну захлёстывают массовые восстания. Производство упало в несколько раз, резко ухудшились бытовые условия.

К этому надо добавить, что молодое государство очутилось в международной изоляции. Все державы Антанты, а затем и нейтральные государства, отказались признавать законность новой власти и разорвали с ней дипломатические отношения.

Но все тяготы жизни молодым Рудневым воспринимались с воодушевлением. Он в составе 1-го маршевого эшелона Красной гвардии Выборгского района уезжает на Южный фронт.

Смутные сомнения, что он борется с войсками Центральной рады, которая хочет, чтобы Украина была самостоятельным государством, побеждает в нем всеобщий энтузиазм. Мы разделаемся с буржуазными «самостийниками», заставим их служить социалистической революции.

Красноармейцы освобождают Полтаву, Гребенку, Бахмач, спешат на помощь киевским рабочим...

К концу 1918 года в Киеве установилась Советская власть. Подразделения красноармейцев возвращаются в Петроград.

После разгрома врагов Руднева направили бойцом 4-го Петроградского продотряда. Обстановка в Пензенской губернии, куда прибыли петроградцы, была тяжелой. Борьба в нищей голодающей стране была тяжелая. Много пришлось потрудиться Семену, который был уполномоченным по хлебозаготовкам в Чембарском уезде.

Юноша предпочитал опираться не на силу оружия, когда встречался с разоренными крестьянами, а на разъяснительную работу с ними.

Поздней осенью, выполнив свое задание, Петроградский продотряд выехал на Южный фронт, влился в 42-ю стрелковую дивизию, которая формировалась в Донбассе. В ее составе юноша

прошел славный боевой путь. Расстаться с ним его заставило тяжелое ранение.

После выздоровления Семен окончил курсы при политическом управлении Юго-западного фронта, в начале 1920 года работал инструктором политотдела Донецкой трудовой армии, восстанавливал разрушенный войной Донбасс. С Донбасса Руднев поехал на Румынский фронт. Там заболел тифом и попал в госпиталь. После выздоровления служил помощником комиссара 45-го полка прославленной 15-й Сивашской дивизии. После непродолжительных курсов его направили комиссаром дивизионной школы младшего командного состава.

Семен понимал, что судьба его сложилась так, что свою жизнь он посвятил армии. Ему нельзя отставать от других. Пока молодой, надо учиться. Попросил командировать его на учебу. Молодого способного комиссара направили в Ленинградскую военно-политическую академию имени Толмачева...

На новом месте не спалось. Он тихонько встал, накинул на плечи шинель, по скрипучим половицам вышел на улицу. Сел на ступеньки дома.

Небо очистилось от туч. Сияли звезды. Он узнал Большую Медведицу, так же тянулся Млечный путь. Почти рядом темнел лес. Перед ним стоял легкий туман. Холод приводил в чувство.

Перед глазами пролетела его недолгая, но богатая на события жизнь. Смерть Владимира Ильича, переход от новой экономической политики к форсированной индустриализации и коллективизации. Он и его сверстники поддерживали и индустриализацию, и коллективизацию. Лично ему хотелось видеть еще лапотную страну технически развитой, индустриальной. Но здравый смысл подсказывал другое: страна должна развиваться не за счет обнищания народа, его варварской эксплуатации, обещаний, которые могут исполниться через столетие. Жизнь дается один раз. И ее надо прожить, как следует, уже сейчас.

Он никак не мог увязать текущие события с высокими идеалами революции, с речами, которые произносили Троцкий, Ленин, другие ораторы.

Он пытался успокоить Нему, когда она говорила, что их пригнали сюда по этапу. Но товарные вагоны, которых становилось все больше, чем дальше они двигались по транссибирской магистрали, внушали тревогу.

«Откуда берется столько преступников?! — думал Семен Васильевич. — После Октябрьской революции и Гражданской войны прошло достаточно времени, чтобы с ними разобраться. А товарные вагоны с решетками продолжают во

множестве мчатся по транссибирской магистрали».

Все эти факты изначально давили на сознание и сердце. Нет, в этой стране делается что-то не так.

Семен Васильевич почувствовал легкий озноб. Он кутался в шинель. Но тело все равно доставал холод. Влажный остывший воздух накатывался волнами с моря, пронизывал его множеством игл. Руднев поднялся. Тихонько возвратился в теплый дом.

2

Новое двухэтажное здание штаба выделялось среди почерневших от времени одноэтажных домиков. Добротный сложенный из ошкуренных бревен сруб поражал своею новизной, тягучим запахом свежеспиленной хвои.

Семен Васильевич шел, поскрипывая до блеска начищенными сапогами. В его походке улавливался годами отработанный строевой шаг. Его гимнастерка с кубиками на вороте, была строго стянута широким ремнем. Форма военного подчеркивала крепко сложенную, стройную мужскую фигуру.

Начинающее полнеть лицо, внимательные и добрые карие глаза, широкие губы, кажется, расплывшиеся в улыбке, темные русые волосы,

зачесанные назад. Так выглядел прибывший по назначению новый комиссар укрепрайона.

Над поселком стоял густой туман. Он окутывал деревья и темные домики. Бухта и море находились вдалеке. Но комиссар чувствовал море. Несмотря на туман, там, где оно находилось, горизонт открывался сплошным бело-синим маревом. Казалось, что ему нет конца и края.

В свое время он угадывал Черное море за десятки километров. В воздухе пахло рапой. Небо становилось голубым и высоким. Семен Васильевич вспомнил море у Севастополя, где он служил после окончания политической академии. Ласковое, теплое. Они с Немой и Радиком подолгу не выходили из воды. Сын, несмотря на возраст, быстро научился плавать.

В Крыму они жили в домике для командного состава высоко над морем. К нему вела деревянная лестница с перилами. Они спускались к морю по скрипучей лестнице. Долго смотрели на голубую водную гладь. Следили, как ее стремительно разрезает сторожевой катер вдалеке.

В свободные минуты они всей семьей бродили по берегу. И в шторм, и в штиль. Последний особенно любили. Тогда купались долго. Заплывали за волнорез — бетонные глыбы, которые ровной дорожкой возвышались над гладью воды. Ее постоянно меняющееся зеркало тянулась от

волнореза в бесконечную даль. Этой дали нет конца и края.

Здесь все не так. И море не то. Холодное, постоянно волнующееся. Лесенок тоже не увидишь. Над бухтой нависли дикие скалы. Строители делают ее планировку, укладывают бетон. Базу для военных кораблей.

Семен Васильевич представился по уставу комдиву, коменданту укрепрайона Петру Григорьевичу Барановскому, выложил на стол личные документы. Пожилой уставший мужчина с жиденькой бородкой сказал слабым голосом:

— Садись!

Достал из пепельницы, полностью забитой окурками, слабо дымящуюся папиросу. Сделал несколько глубоких затяжек. Взял со стола паспорт Руднева. Внимательно его просмотрел. Потом раскрыл диплом. И хотя там все было написано, переспросил:

— С высшим военным образованием?

— Так точно!

— Поди ж ты! Молодец! У нас преобладают практики. Вроде меня. За плечами два класса церковно-приходской школы. А целую крепость на шею повесили!

Комдив продолжал изучать диплом. Не удержался от эмоций:

— Ленинградскую, военно-политическую академию? Поди ж ты!

— Сами видите! — улыбнулся Руднев широкими губами.

— У нас много ленинградцев.

— Очень приятно.

— Думаю, ты с ними найдешь общий язык.

— Буду стараться.

Возвратил документы Семену Васильевичу.

— Должон тебе сказать: обстановка у нас напряженная. Чуть проштрафился, — органы наркомата внутренних дел к стенке прижимают. Поди ж ты, докажи им, что не виноват. И военные и гражданские пашут целыми сутками. Настроение у людей неважное. С ними надо усилить политическую работу. Больше объяснять, что к чему. Что япошки в любой момент могут в бухте объявиться.

— Вижу: обстановка напряженная.

— Крепость сложная. Сооружения для стрелкового оружия, пушек, дальнебойных орудий. Бухту обустройстваем. Создаем базу для сторожевых кораблей, канонерских лодок, минных заградителей, торпедных катеров, подводных лодок, вспомогательных судов...

— Работы непочатый край, — заметил Руднев.

Петр Григорьевич встал из-за стола. Он не стеснялся своего невысокого роста. Что форма на нем висела, сапоги были большими, не по размеру.

Семен Васильевич смотрел на мешковатую фигуру своего начальника и думал, что не только домашние, но и сослуживцы могли бы подсказать комдиву больше внимания обратить на свою внешность, хотя бы подогнать форму.

Петру Григорьевичу на свою внешность глубоко наплевать. У него «крепость висит на шее».

Он опять взял папиросу. Глубоко затянулся. Сделал несколько шагов.

— Должен тебе сказать, Семен Васильевич, что времени на раскачку нет. Оформляй документы в кадрах. И за дело.

Открыл дверь, выглянул в коридор. Сказал первому попавшемуся офицеру:

— Григорий Иванович, покажи начальнику политотдела гарнизон.

Григорий Иванович был моложе Руднева, тоже имел военное образование. Высокий, со светлыми волосами и русыми усами, командир дивизиона оказался общительным офицером. Он взял у дежурного ключи от кабинета начальника политотдела. Открыл дверь. Мужчины попали в небольшое помещение. Там стояли стол, несколько стульев. На стене висела выполненная черной тушью карта-схема Хабаровского края с

выделенной красным бухтой с надписью: «Де-Кастри».

В ящиках стола и металлическом сейфе лежали папки с документами. Руднев не стал их разбирать. Отложил это дело на «потом». Григорий Иванович за шторками на окне достал пепельницу. Они закурили. Начали знакомиться поближе.

Командир дивизиона Григорий Иванович Туров прибыл в Де-Кастри в прошлом году. Вспомнил, как его в 1932 году назначили командиром 3-го дивизиона 2-го артиллерийского полка 2-й Приамурской дважды Краснознаменной стрелковой дивизий. Назначение это радовало. И не только потому, что Турова повышали в должности, но еще и потому, что служить предстояло в городе.

Однако вскоре его вызвал командир артполка, как-то загадочно улыбнулся и сказал:

— Готовьте дивизион к длительному походу. Мастерите лыжи под колеса орудий, каждый день проводите тренировки личного состава.

Григорий Иванович рассказывал своему новому знакомому:

— Задача была для меня непривычной. Да и не только для меня. Подчиненные мне командиры тоже не обладали достаточным опытом в этом отношении. Но мы не унывали. В расписание занятий немедленно включили ежедневную ходьбу на лыжах по три часа. Вскоре доложил командиру

полка, что дивизион в полном составе готов к походу.

Нам объяснили, что предстоит совершить восьмисоткилометровый переход по Амуру через дальневосточную тайгу. Кроме материальной части мы должны еще взять с собой достаточное количество боеприпасов, продовольствие, палатки для жилья, строительный инструмент. А синоптики сулят метели и сорокаградусный мороз. Дело предстояло нелегкое.

— В таких погодных условиях мне служить не доводилось, — заметил Руднев.

— А придется, — сказал Григорий Иванович и продолжил:

— В поход выступили в конце января. Разгулялась метель. Ветер выл на все голоса и швырял в лицо снег, словно хотел остановить нас. Двигались по необжитым местам. Чтобы достигнуть следующей деревни, нам потребовалось четверо суток. Все это время бушевала свирепая метель. Шинели покрылись ледяным панцирем. Особенно доставалось обладателям усов. Многие сочли за благо расстаться с этим «украшением»...

Только через месяц колонна под руководством Турова достигла бухты Де-Кастри. На радостях бойцы закричали «ура!». Командующий ОКДВФ В. К. Блюхер объявил благодарность всем участникам похода. Многих

командиров наградили. Самому Григорию Ивановичу Василий Константинович передал отличную строевую лошадь с седлом.

— И как в самый разгар зимы вас отправили в такой длительный переход?

— Не знаю. Вспоминать страшно.

Зашли на конюшню. В стойле Григорий Иванович взял под уздцы свою лошадь.

— Блюхер наградил, — сказал гордо.

Подвел к Семену Васильевичу вороного Бурана.

Комиссар взял коня за узду. Тот не сопротивлялся. Спокойно глядел на своего нового хозяина.

— Без лошади нам нельзя.

— Седла нет? — спросил Руднев.

— С седлами проблемы. Наживете со временем, — ответил Туров.

Они вскочили на лошадей. Семен Васильевич прищпорил Бурана. Он сразу перешел в аллюр. Григорий Иванович держался рядом. Вернее, он вел Руднева в сторону строящегося артиллерийского городка.

Вскоре они увидели палатки. За ними виднелись стены длинного одноэтажного здания. Красноармейцы заканчивали забирать потолок ровными, с одной стороны затесанными бревнами.

Увидев наездников, бросили пилы, топоры, лопаты, другой инструмент. Собрались в кружок. Красные командиры спешили.

— Крыша скоро будет стоять? — спросил Григорий Иванович, кивнув в сторону строящегося объекта.

— Ее надо обшить досками, а их нет, — ответил один из красноармейцев.

Другой добавил:

— Вон смотрите: артиллерийские парки покрыты брезентом, а конюшни — дерном и еловыми ветками. Давно ждем лесопилку. Где она? Для распиловки бревен на доски используем ручные пилы.

— В чем причина? — вмешался в разговор Руднев.

— Кормят обещаниями, — ответил тот. — А воз и ныне там.

— А с нас за барак спрашивают, — добавил все тот же красноармеец.

— Не понимаю, как можно обойтись без лесопилки? — обратился к Турову Руднев.

— Можно. Еще как. Ребята на своем пупке сделают. Капитально всех поджимаем. Еще раствор не успеет высохнуть, а красноармейцы устанавливают орудия. Постоянно занимаемся строительными работами, — ответил командир дивизиона.

Семен Васильевич обратился к красноармейцам:

— Не могу ничего обещать. Сегодня только приступил к выполнению обязанностей комиссара. Скажу одно: вашим вопросом займусь вплотную.

Некоторые из ребят не выдержали, зааплодировали.

Мужчины вскочили на коней и поехали дальше.

Укрепрайон занимал вдоль побережья около пятнадцати километров. Везде кипела напряженная работа. Строительные батальоны и гражданские ребята вели в основном бетонные работы: возводили оборонительные сооружения, в самой бухте сооружалась база для военных кораблей.

Беглым взглядом Руднев определил, что в качестве оборонительных сооружений строились в основном пулеметные ДОТы. Он невольно залюбовался двухэтажным ДОТом. Огневые казематы там располагались на обоих этажах. Обратил он внимание на орудийные ОТы. Его заинтересовала береговая оборона, особое восхищение вызвала береговая батарея на четыре 180-мм орудийные установки МО-8-180.

Руднев остановился, залюбовался уже почти готовыми к сдаче объектами.

Григорий Иванович улыбнулся:

— Здорово?

— Впечатляет.

— И все это на пупке, на плечах молодых.

— Нам надо подумать, как облегчить жизнь красноармейцев. Изнурительная работа, отсутствие бытовых условий, — советовался с Туровым Руднев.

— Загнали мы их окончательно. Работают и день и ночь.

— Что можно сделать в местных условиях, чтобы они могли расслабиться? Банька, спорт, танцы, кино, прогулки. Что еще для молодежи надо? Сам понимаешь. Молодой.

— Нас так загнали, что только о работе и думаем, — сказал командир дивизиона.

— Ты женат? — спросил Семен Васильевич.

Туров улыбнулся:

— Я познакомился со своей Валентиной не на танцах, не в кино, которого у нас нет. Валя, дочь рабочего Путиловского завода, в числе других инженеров, техников и строительных рабочих приехала из Ленинграда. Работала в управлении начальника работ. Она была чертежницей, возглавляла комсомольскую организацию.

— Без тяжелой артиллерии не обошлось? — улыбнулся Руднев.

— Откуда знаешь?

— Сам такой.

— Она мне сразу понравилась. Заговорил. «Я не затем приехала сюда, чтобы шуры-муры крутить» — ответила. В общем, поначалу отказала в ухаживании. Действительно, пришлось применить тяжелую артиллерию. Недавно расписались.

— Как живете?

— Нормально. Дали нам комнатку в домике недалеко от штаба. Валя стойко сносит неустроенности быта. Она принадлежит к тому поколению советской молодежи, которое строило Магнитку и Днепрогэс, Комсомольск-на-Амуре, первые тракторные и судостроительные заводы. Она все личное считает второстепенным.

Семен Васильевич все это пережил. Он был свидетелем, как молодые люди ехали из Москвы и Ленинграда, других городов за романтикой, за туманом и за запахом тайги. Верили зажигательным речам комсомольских работников, статьям в «Комсомольской правде» и других изданиях. Но на месте ничего романтического не находили. Добровольцев ждал тяжелый труд и отсутствие всякого быта. Комнаты в общежитии на несколько человек или в приспособленных помещениях, беспорядочное питание. В основном, лишь запах тайги.

Молодежь рассматривалась вокруг, думала, что она здесь забыла. При первой же возможности уезжала обратно домой. Валя не растерялась в этих

условиях. Вышла замуж за Турова, то есть связала свою судьбу с военным со всеми вытекающими из этого последствиями. С кочевой жизнью, неустроенностью и прочими прелестями жены военного. Уже это располагало комиссара к молодой женщине, которую он еще не видел.

— А мы с Нёмой более десяти лет по гарнизонам мотаемся. Иногда мне жалко ее. Преподавала бы детишкам в Кадиевке. Вышла замуж за местного. Вот оно — женское счастье.

— Валя рискованная. Не только потому, что приехала сюда. Что связалась со мною. Жила б в Ленинграде припеваючи.

— Нёма мне сына родила. Тоже постоянно с нами...

— Беспокойная у нас судьба, Семен Васильевич. Хорошо, что японцы притаились. Боятся сунуться. В противном случае и женщинам, и детям пришлось бы вкусить. Не только нам.

Мужчины попали к родным поздно вечером.

3

На следующий день Семен Васильевич опять был у Барановского. Комдив наставлял двух красноармейцев, которые жаловались на зубы. Болят, шатаются, а санчасть мер никаких не

принимает. Руднев внимательно посмотрел на молодых ребят, которые жаловались на здоровье, но ничего не сказал.

Барановский пообещал им разобраться и принять меры. Но, как показалось комиссару, его мысли были всецело заняты другим.

Семен Васильевич хотел обратиться по уставу. Петр Григорьевич махнул рукой:

— Докладывай, что там у тебя.

Руднев высказал первые впечатления от укрепрайона. Стройка большая. Работы много. Сразу перешел на конкретику:

— В дивизионе Турова артиллеристы не дали проходу: нужна лесопилка.

Командир посмотрел на него внимательно и сказал:

— Поди ж ты. Семен Васильевич, ты взялся не за свое дело. Технические вопросы у нас другие службы решают, начальник политотдела должен заниматься политическими. Партийные и комсомольские организации, лекции, беседы.

— Не разграничивал бы технические и политические вопросы. Они взаимосвязаны.

— Каждый должен выполнять свои обязанности.

— Не скажите, Петр Григорьевич. Я буду болтологией заниматься, а красноармейцы как

пилили, так и будут пилить вручную бревна. Грош цена такой политико-воспитательной работе.

Петр Григорьевич встал из-за стола. Зашагал по кабинету. Он прокручивал сказанное Рудневым в своей маленькой уже начинающей лысеть голове. Мол, что он чушь несет, этот замполит. Испокон веков сапожник точил сапоги, а портной шил одежду.

А, может, появились новые установки, которых он не знает? Вроде ничего подобного не было. Петр Григорьевич в раздумье сказал:

— Впервые встречаюсь с таким замполитом. Другой бы на твоём месте перекладывал бумажки из одного ящика стола в другой. Посещал парторганизации частей. Давал ценные указания.

— Бытие определяет сознание. Сколько не пой о прекрасной жизни, как соловей, люди не поймут. Станут смеяться. Я в своей деятельности всегда старался принести пользу личному составу. В то же время повышал требовательность к рядовым и командному составу за выполнение поставленных задач.

— И как?

— Такая тактика всегда давала положительные результаты.

— Уговорил. Если есть желание заниматься лесопилкой, действуй. Нам без нее, как без рук. А

механики не чешутся. Я бы этих технарей в карцер пересажал.

— И механиков прижмем. Заслушаем отчеты на партийных собраниях.

— Во! Правильно мыслишь.

Семен Васильевич уже увлекся, не в состоянии был себя остановить. Хотя понимал, что скинул на голову комбрига достаточно информации. Вряд ли тот ее переварит с первой подачи. Сказал после некоторого молчания:

— Нельзя забывать о досуге и быте красноармейцев. О полноценном питании. Суворов недаром говорил, что путь к сердцу солдата лежит через его желудок.

— Поди ж ты. О досуге и быте! Опять тебя заносит, замполит. Какой досуг? Какой быт? Крепость строить надо!

— Согласитесь со мною, что голодный, невымытый, небритый, истощенный красноармеец — плохой строитель.

— Поди ж ты! Против этого тоже ничего не попрешь. Ты и здесь прав, замполит.

— Нужно не только военные объекты строить, но и казармы, и медсанчасть, и школу, и столовую, и магазин, и Дом красной армии и флота.

— Нужно. Понимаю, что нужно. Все это есть в планах. Но в первую очередь крепость надо

строить. А у нас ни людей, ни техники, ни материалов.

— Проблем много. Будем прорываться, — успокоил комбрига Руднев, закуривая.

Петр Григорьевич тоже взял из пепельницы свою вечно не тухнущую папиросу. Глубоко затянулся:

— Что мы и делаем.

В коридоре Руднева ждал его новый знакомый Туров.

— О чем договорился, комиссар?

— На пилораму получил добро, — улыбнулся Руднев. — С сегодняшнего дня займусь ею.

— Молодец! Сколько разговоров о лесопилке, а разделявать древесину продолжаем вручную.

— Мне отступить некуда. Займусь сам и механиков прижму.

— Мои не поверят.

— Время покажет. С Петром Григорьевичем обо всем переговорил. Об организации быта и досуга. Скрипит, упирается, но соглашается, — улыбнулся Руднев.

— К сожалению, старшее поколение нас не всегда понимает. Петр Григорьевич работу требует. А чем живет красноармеец, командир, ему вникать некогда.

— В том и состоит моя задача, как политического работника: проникнуться заботами

личного состава. Не только лекции читать, какая у нас прекрасная власть, какая огромная страна. Нет. Строить хрустальные дворцы тоже не выйдет. Сделать для людей все, что можно в данных условиях. Вот это и есть моя главная цель.

— Глубоко пашешь, комиссар, — улыбнулся командир дивизиона.

— Иначе не умею! — ответил Руднев.

— Смотри, не надорвись.

— Мы докажем, что на самом краю земли можно нормально служить и жить.

* * *

Когда Семен Васильевич возвратился поздно вечером домой, его уже ждали жена и сын. Они заканчивали вешать занавески в спальне. Без его участия установили полуторную металлическую кровать. Заправили ее. Помыли, почистили. Комнатка преобразилась.

У Радика в комнате тоже порядок навели. Жене и сыну удалось туда установить кровать, маленький самодельный столик и стул. Возле кровати растянули дорожку. На окно повесили занавески.

— Молодцы! — не удержался от похвалы Семен Васильевич. — Теперь приятно домой заходить.

Домникия Даниловна сняла фартук, поправила юбку, развязала косынку. Несколько раз встряхнула головой. Веером разлетелись ее черные густые волосы и опустились на круглые плечи.

— Нравится? — сверкнула темно-коричневыми глазами в сторону мужа и улыбнулась так, что на щеках образовались ямочки.

— Это дело надо отметить, — обнял за плечи жену комиссар.

Он достал большой коричневый чемодан. Порылся в нем и вытащил пачку китайского чая и пакетик с конфетами «подушечка».

Радик сразу выхватил у отца конфетку, бросил ее в рот и запрыгал от удовольствия.

— Не спеши! — успокоила его мама. — Сейчас приготовлю кипятка.

Вскоре уселись за столиком на кухне. Пили крепкий чай.

— Как дела по службе? — спросила жена у мужа.

— Как всегда. Нормально. Рассказал комбригу о некоторых моих методах политической работы. Скрипит, упирается, но соглашается, — ответил Семен Васильевич, попивая горячий крепкий чай в прикуску с подушечками.

— С какой я женщиной сегодня познакомилась! — поспешила поделиться новостью Домникия Даниловна. — С Валею Туровой. Она из

Ленинграда. Приехала сюда на строительство оборонительных сооружений. Здесь познакомилась со своим будущим мужем.

— А мы успели с Туровым познакомиться. Приятный мужчина.

— Нам всегда везет на хороших людей, — добавила довольная женщина.

— А ты боялась, что мы здесь пропадем.

— Это мне поначалу так показалось.

— Не волнуйтесь, мои родные! Места здесь чудесные. Люди заняты нужным для Родины делом, — продолжал успокаивать Семен Васильевич домашних.

— Я так понял, что скучать здесь не придется, — перебил его Радик.

— Ты, как всегда, прав, — улыбнулся Семен Васильевич.

После некоторого раздумья сказал:

— Знаешь, Нёма, у меня есть просьба. Помогите нам, мужчинам, организовать быт в укрепрайоне, чтобы люди не чувствовали своей оторванности.

— Мы тоже с Валеёй об этом думали...

— Во-во, вместе с Валеёй. У вас получится.

— Укрепрайон большой, о нем надо думать, но и дом не забывать. Говорят, здесь короткое лето, студеные зимы, крепкие морозы. Уже сейчас нужно готовиться к холодам.

— Не рано ли?

— Не рано, — сверкнула темными глазами Домникия Даниловна.

Семен Васильевич не понял в чем дело, на что она намекает.

— Возьму солдат. Напилят и привезут. А поколем с сыном сами.

— На сына не рассчитывай, он еще маленький.

— Футбол гонять не маленький. Пусть приучается к труду. Отец в четырнадцать лет уже был подмастерьем в Петрограде. Сам на жизнь зарабатывал.

Радик выскочил из комнаты на улицу. Ему не нравилось, когда старшие его начинали учить.

— Не пойму, почему глазками подмигивала. Что случилось? — спросил у жены Руднев.

— Случилось, Сеня. У нас будет ребенок.

4

К первой просьбе Семен Васильевич отнесся со всей серьезностью. Занимался лесопилкой каждый день. Заслушал на партсобраниях механиков, обратил их внимание на важность изготовления пиломатериалов.

Он ежедневно посещал участок распиловки бревен, где трудилось несколько десятков человек.

Издали наблюдал, как ребята вручную затаскивали наверх бревна. Мелом долго натирали шнур. Отбивали линии, по которым бревна пилили. Они не всегда ложились ровно. Пильщики нервничали.

В тот день приехал на участок в приподнятом настроении. Спешился. Привязал Бурана к дереву. Двое красноармейцев как раз сделали разметку. Один из них залез на леса. Стал на бревно. Другой расположился внизу под ним. Взяли пилу. Привычными движениями приступили к долгой изнурительной работе, которая давала мизерные результаты.

— На лесопилку пойдете? — спросил у ребят.

— Еще бы, — ответил тот, что наверху. — За день так напашешься, что целую ночь руки гудят.

— Готовьтесь!

Семен Васильевич пошел к выросшему за считанные недели деревянному зданию, через которое пролегали металлические рельсы. С их помощью на тележках подавались бревна на пилораму и увозились от нее готовые доски заданной толщины.

Механики с довольными лицами заканчивали последние приготовления.

— Как настроение? — спросил Руднев.

— Отличное! — ответил один из механиков.

— Не подведите! — сказал Руднев.

На открытие собралось несколько сотен военных и гражданских строителей. Рядом с лесопилкой установили небольшую передвижную трибуну. Руднев лично проверил готовность нового объекта, уточнял последние тонкости у старшего механика.

В сопровождении военных из штаба на объект приехал Петр Григорьевич Барановский.

Руднев открыл митинг кратким вступительным словом. Барановский с трибуны произнес краткую речь:

— Товарищи! Сегодня у нас важное событие. Мы запускаем в эксплуатацию лесопилку. Укрепрайон полностью обеспечит себя в пиломатериалах. Они пойдут не только для оборонительных объектов. Мы быстрее сможем построить дома, санчасть, школу, дом культуры...

После него выступило несколько участников митинга. Они благодарили руководство укрепрайона за бесценный подарок, сделанный всему коллективу.

Зазвучали торжественные звуки духового оркестра. Петр Григорьевич перерезал красную ленту.

Заработала пилорама. Блок пил задвигался сверху вниз и обратно. На них подали уже приготовленное бревно. В течение нескольких

минут на другой стороне пилорамы пильщики приняли пакет готовых досок.

Мощное «ура» пронеслось над объектом.

Ликованию не было конца. И строители, и военные понимали, что для них значила пилорама.

Барановский подошел к Рудневу. Крепко пожал руку.

— Молодец! Слово сдержал. Вижу, за все хватаешься. Думал: нельзя объять необъятное. Поговорили и забудем. Поди ж ты. Все-таки добился своего.

Лицо Руднева сияет радостью.

— Спасибо, Петр Григорьевич! Постараюсь продолжать в том же духе.

Поначалу Семен Васильевич записывал все просьбы, замечания и пожелания. Старался их выполнить.

За счет этого многие красноармейцы, которые мечтали о более светлой жизни, старались решить свои вопросы. Он таких ребят понимал и поддерживал. Но это оказалось непосильным заданием лично для него. Упущений и нерешенных проблем в укрепрайоне накопилось столько, что разгрести их надо было несколько лет.

Он знал выход из этой ситуации. Сам он все сделать не в состоянии. Нужно подключать партийные и комсомольские организации. То есть, распределить обязанности между ними. Вселить в

них уверенность, что можно строить не только ДОТы и ОТы, причалы, но и улучшать свою жизнь.

Торжества продолжались. Люди окружили лесопилку, следили за ее работой, восхищались результатами.

К Семену Васильевичу подошла группа комсомольцев.

— Помогите! Без вас это никто не сделает. Новая киноустановка валяется на складе, — сказал подтянутый красноармеец.

— Пожалейте, ребята. Видите, какой у меня сегодня день. Не хочется отсюда никуда уходить.

— Семен Васильевич. Никто, кроме вас.

— Что за молодежь пошла? Мы в свое время все делали сами.

— Никто, кроме вас.

— Ладно. Уговорили. Давно киноустановка лежит?

— С год. Ждут, пока построят Дом красной армии и флота.

Семен Васильевич хмыкнул. Прикинул, сколько придется ждать молодым, пока построят Дом культуры.

— Идем на склад.

На складе они затерялись в многочисленных стеллажах. Заведующий складом уже не помнил, где лежит короб с той самой установкой. Хотя он твердо знал, что такая установка есть.

Ему подсказали, что она питается электроэнергией от двигателя внутреннего сгорания.

— Так бы сразу и сказали!

Кладовщик быстро отыскал двигатель. Вскоре извлек со стеллажа пакет с еще не распакованной киноустановкой.

Сведущие красноармейцы распаковали ее, привели в рабочее положение.

— Давайте сделаем так. Вы находите киномеханика, решайте другие текущие вопросы. Я займусь основным: помещением.

Ребята замялись. Они думали, что достаточно высказать комиссару свою просьбу и проблема будет решена. А здесь предстояло и самим побегать.

— Не слышу ответа? — обратился к юношам Семен Васильевич.

— С вашей помощью все утрясем, — наконец нашелся все тот же подтянутый красноармеец.

Руднев решил не откладывать вопрос в долгий ящик. Сразу обратился к Петру Григорьевичу. И услышал в ответ:

— Знаю про установку. Да негде ее размещать. Решили показывать кино, когда построят Дом армии и флота.

Руднев знал, что к строительству учреждения культуры еще не приступали и неизвестно когда

приступят. По меньшей мере, преступно оставлять до тех пор людей без кинофильмов.

— Безвыходных положений не бывает, — заметил он. — Давайте что-нибудь придумаем.

— Думай, замполит, думай. У тебя хорошо получается.

Комдив находился под влиянием митинга. Его маленькое круглое лицо довольно улыбалось. На объектах криком кричали о нехватке пиломатериалов. Механики в ус не дули. Теперь лесопилка позволит в несколько раз увеличить раскрой древесины.

Но идеи носили элементы риска. Петру Григорьевичу не хотелось за это отвечать. Хотелось, чтобы все было законно. Иначе можно угодить в тюрьму.

— А что, если в столовой соорудить временную кабинку для киноустановки. У нас это самое вместительное помещение.

— В столовой нельзя. Санитарно-эпидемиологическая служба не разрешает. В пищевом блоке. Сам понимаешь. Разные заболевания.

— А мы отгородим кухню. Зрители кино с ней не будут соприкасаться.

— Это не такой простой вопрос, как тебе кажется. На большие неприятности можно нарваться. Я не разрешаю.

— А если мы согласуем вопрос с санитарными службами фронта?

— Фронта? — помялся Барановский. — Надо подумать.

Семен Васильевич через политическое управление фронта добился разрешения на показ фильмов в столовой. Вскоре жители укрепрайона несколько раз в неделю переполняли столовую, смотрели кинофильмы и шумно их обсуждали. «Броненосец Потемкин», «Земля». На «Чапая» в большом здании столовой вообще нельзя было повернуться. Поэтому его показывали целую неделю.

Конкретные дела для людей подняли авторитет Руднева в укрепрайоне. Но он не думал останавливаться. Как-то предложил Григорию Ивановичу.

— Как бы нам встретиться по-семейному. Есть очень важный разговор.

— Просто. В конце дня соберемся у меня или у тебя, поговорим.

— Давай так и сделаем. Ты в шахматы играешь?

— Уже не помню, когда последний раз садился за доску.

Вечером собрались у Рудневых. Пока женщины готовили совместный ужин, мужчины играли в шахматы.

Валя была полнее и солиднее изящной Домникии Даниловны, хотя моложе по годам. Она чувствовала себя в гостях, как дома. С прической под мальчика мелькала то в одном, то в другом конце. Говорила громким грудным голосом. Поиграла с Радием, переговорила на все темы с подругой. Когда сели за стол, и здесь ни минуты не молчала. Все разложила по полочкам, озадачила мужчин.

Домникия Даниловна не переставала улыбаться, глядя на свою новую знакомую.

«Такая простая, бойкая, с ней не соскучишься», — восхищалась она Валентиной.

Когда выпили по маленькой спирта, Семен Васильевич обратился к женщинам с просьбой о помощи.

— Мы и так вам помогаем, чем можем, — сказала Домникия Даниловна. — Я по своей инициативе создаю библиотеку. Уже решен вопрос о помещении.

Женщины вместе отыскивали свободную комнату. Решили из личных библиотечек создать общую. Валя уже отдала несколько книг, обратилась к знакомым. Те тоже откликнулись.

Выслушав Домникию Даниловну, не удержался Григорий Иванович:

— Прихожу однажды со службы и застаю дома всех женщин нашей части за стиркой

красноармейского белья. Одни носят и кипятят воду, другие стирают, третьи развешивают то, что выстирали.

— В чем дело? — спрашиваю жену.

— Это тебе как командиру — в назидание, — отвечает она. — Надо скорей заканчивать строительство прачечной. — И добавляет под смех подруг: — Пока нет прачечной, придется тебе пожить в штабе, а стирать мы будем здесь...

— Молодец, не уступает Нёме, — улыбнулся Семен Васильевич.

— Мы решили устроить праздник русских пельменей. Как вы к этому относитесь? — не удержалась Валя.

— Прекрасно! — сразу поддержал ее Руднев.

— Нам надоела ежедневная перловка, супчик из вермишели. Хочется чего-то вкусенького, — добавил Туров.

— Всем хочется. Мы, женщины гарнизона, всех и накормим, — сказала Домникия Даниловна.

— Не верим, — засомневался Туров.

— Посмотришь, — сказала Валя.

Так женщины части стали активно помогать командирам в очень трудной работе по налаживанию быта и питания бойцов, по созданию уюта в казармах, по организации художественной самодеятельности и других мероприятий.

Семен Васильевич на этом не успокоился. С помощью секретарей комсомольских организаций и спортсменов-любителей в краткие сроки оборудовал спортивные площадки для игры в футбол, баскетбол и волейбол.

По весне Семен Васильевич приступил к решению еще одной неотложной проблемы. У многих кровоточили десна, выпадали зубы.

Он встретился с медработниками.

— Что сделаешь, — пожимала плечами женщина в белом халате. — Край такой. Не растут ни фрукты, ни овощи. Не хватает витаминов.

Пошел к Барановскому.

— Вы при мне обещали помочь красноармейцам с зубами.

— Я много чего и кому обещал, — ответил тот, когда Руднев заострил его внимание на цинге. — Что ты конкретно предлагаешь?

— Создать поисковые группы для сбора дикорастущего зеленого лука, черемши, брусники и прочего.

— Не возражаю, создавайте. Мы как-то не уделили этой проблеме должного внимания.

Из людей, не занятых на основных работах, создали десять групп и отправили в тайгу за дикорастущими травами и ягодами. Несколько раз в день стали пить соки и отвары, есть продукты с витаминами.

Вскоре с цингой было покончено.

— Кто-то говорил, что здесь невозможно жить. Такая природа. Все можно, если организовать, — хвалился Семен Васильевич своей супруге.

5.

Домникия Даниловна ходила на последних месяцах беременности. Семен Васильевич волновался. Роды могут начаться неожиданно. Он ничем не может помочь жене. В гарнизоне было несколько врачей и акушерка. Но со стационаром никак не могли решить вопрос. Так или иначе, медиков предстояло приглашать домой.

Поэтому каждое утро перед уходом на службу он напоминал жене и сыну, чтобы были начеку.

В то утро он упрашивал жену:

— Ничего не делай. Никуда не выходи. Сиди дома.

Домникия Даниловна ничего не отвечала. Лишь улыбалась. По возможности, с предосторожностью она делала работу по дому. Даже во дворе сметала снег. Приходилось ей выходить на улицу по месту. Она была уверена, что все обойдется благополучно.

Окончив разговор с женой, Семен Васильевич принялся за сына:

— Радя! Не отпускай маму одну. Не давай ей работать. В случае чего приглашай врача и дай знать мне.

— Все ясно! — отвечал Радик, потягиваясь.

Он встал, но еще не проснулся. И ежедневные инструктажи отца ему порядком надоели. Радик их знал наизусть.

Родные успокоили Руднева. Он верил, что дома все будет нормально, пока несет службу.

Стоял мороз. Валил снег. С моря дул резкий пронизывающий ветер. О строительстве наружных объектов не могло быть и речи. Толщина снежного покрова достигала двух метров. Строители увязали в сугробах. Не успевали прочищать дороги и тропинки.

Семен Васильевич по узенькой тропинке в снегу пробрался в штаб. В кабинете Барановского собрался командный состав.

Петр Григорьевич сидел за большим столом, заваленным чертежами, докладными и объяснительными записками, технической и нормативной литературой. Почесывал начавшую лысеть маленькую голову.

— В такую непогоду стройка не должна стоять, — в который раз повторял он. — Проводите внутренние работы.

За каждым объектом закрепили командиров. Руднев нес персональную ответственность за

медсанчасть. Он проводил на стройке львиную долю своего времени. В двухэтажном здании медсанчасти недавно вставили окна и установили двери.

«Теперь хоть снег не заметает помещение», — с удовлетворением подумал комиссар, когда приехал на закрепленную за ним стройку.

Он спешил. Поставил лошадь в помещение для транспорта. По узкой тропинке, которую за ночь порядком занесло, пробрался к зданию. Там уже работали военные и вольнонаемные строители. К комиссару подошли прораб и несколько бригадиров.

— Почему не очистили территорию от снега? — спросил Руднев прораба.

— На улице невозможные условия, — ответил тот.

— Знаю. Но без этого не обойтись. Некуда разгружать материалы, — сказал Руднев.

— Выделяйте людей, — приказал бригадирам прораб.

В длинном коридоре стояло несколько печек-буржук. Строители растопили их. Металл начал отдавать тепло. Здесь же, в коридоре, стояли ящики с раствором. Мужчины штукатурили стены. Песок, которой высыпали в будущих кабинетах, за ночь промерз. Ребята его долбили ломиками. Отогревали на огне. Затем делали раствор.

За окнами гулял ветер. Завывала метель. Снежное крошево прилипало к стеклам окон. Работы на объекте велись.

Семен Васильевич отделался вечером, когда уже было темно. Он возвращался домой с думой о жене. Как она там? Нет ли осложнений? Прежде чем начнутся роды, надо пригласить врача или акушерку. Самое главное, не упустить этот момент.

— Радя, где мама? — спросил первым делом сына, когда зашел в дом и не обнаружил жену.

Радий лежал на кровати и читал книгу. Увидев отца, поднялся.

— Она у соседей, — ответил.

— Я тебе что говорил: никуда ее не отпускай. Тем более одну.

— Говорил. Но разве она меня послушает?!

Семен Васильевич побежал к соседям. Там ему сказали, что она ушла. Сразу отправился на поиски. Нема лежала на тропинке без движения. Он сразу не заметил ее в темноте, потому что ее наполовину занесло снегом.

Он осторожно взял ее на руки. Понес домой. Она не подавала признаков жизни. Положил на кровать.

— Быстрее врача! — прокричал Радиду.

Тот моментально оделся и выскочил из дома.

Семен Васильевич смел снег с лица жены. Разул ее, снял шубу. Она не подавала признаков

жизни. Потрогал руку. Пульс прощупывался. «Теперь главное, чтобы она не отморозила лицо, руки и ноги» — подумал Руднев.

Заскочил на кухню, достал шкалик со спиртом, ватный тампон. Протер тело жены. Она не приходила в сознание.

— Нёма! Нёма! — повторял он. — Очнись!

Ее смуглое лицо приобрело бледный оттенок. Глаза были закрыты. Черные волосы разбросаны по подушке.

Семен Васильевич слегка похлопал жену по щекам. Она не приходила в себя. Тогда он вспомнил о нашатырном спирте, которым ему приходилось пользоваться. Он смочил тампон. Поднес к носу. Нема чихнула и открыла глаза.

Она отрешенно посмотрела на мужа и ничего не сказала. Снова закрыла глаза.

— Нёма! Это я. Скажи хоть слово!

Она не открывала глаза. Но он слышал тихий стон. Лицо ее перекосилось от боли.

«Сейчас начнется, — подумал Руднев. — Что делать? Где врач?».

В это самое время открылась дверь и на пороге появился Радик с врачом.

У Семена Васильевича отлегло от сердца.

Вера Ивановна имела высшее образование. Была женщиной уже в годах, но чудом сумела сохранить здоровье и красоту.

Она быстро сняла верхнюю одежду. Открыла саквояж. Присела на кровать к больной и начала свои привычные процедуры. Благо принимала роды не первый раз, была лично знакома с роженицей.

Радик с отцом вышли в другую комнату. Но вскоре пришлось Семену Васильевичу возвратиться. Он помогал Вере Ивановне.

Роды закончились поздней ночью. Семен Васильевич не сомкнул глаз. Лишь на рассвете он, не раздеваясь, примостился на стуле возле кровати жены и заснул.

Разбудил его крик ребенка. Он метался рядом с матерью. Видно, проголодался.

Семен Васильевич открыл глаза. Нёма лежала раскрасневшаяся и улыбающаяся. Она прижимала ребенка к груди. Руднев всмотрелся в красный комочек. Мальчик был похож на них с Нёмой. Такой же смуглый, с черными волосами и темными глазами.

— Вылитый отец, — произнесла слабым голосом Домникия Даниловна.

— А носик мамин, — улыбнулся Семен Васильевич.

На семейном совете мальчика решили назвать Юрой.

Несколько дней комиссар не ходил на службу. Исключение составил день, когда он со всем штабом обмывал пополнение в семье. Специально

для этого приберег спирта, соленых огурцов и грибов.

Офицеры, включая комбдива, остались довольны и еще долго вспоминали с открытой завистью о рождении в семье Рудневых сына. Даже Петр Григорьевич не удержался, похвалил:

— Молодец! Наклепал себе замену. Поди ж ты. Двух мужиков сварганил.

Несколько дней отец и сын не отходили от кровати с малышом. Семен Васильевич подолгу сидел на стуле возле жены с ребенком. Они мечтали о будущем.

— Сеня, надо собирать деньги. Когда ты отслужишь свой срок, мы купим маленький домик в Украине или в Крыму. Возле Севастополя или в другом месте. Не важно. Лишь бы рядом с морем.

— Почему рядом с морем? — спросил он. — Можно на моей родине в Путивле. Будем купаться в реке, ловить рыбу на болотах и озерах.

— Знаю, — согласилась она, прижимая маленького ребенка. — Но на море лучше. В открытые окна нашего дома будет врываться свежий морской ветер. Мы будем слушать шум прибоя, гулять по вечерам по берегу моря.

— Летом на юге жарко, а зимой слякотно. Мне больше нравится средняя полоса. Там и лето нормальное, и зима, — рассуждал Семен Васильевич.

Они почти не вспоминали события, которые произошли в академии, которые так напугали Домникию Даниловну.

О них в семье предпочитали молчать.

6

— Хочу с вами проехаться, посмотреть, как идет заготовка дичи, — сказал капитану Ситникову Руднев.

— Будем рады, товарищ комиссар, — ответил тот.

Звено по заготовке дичи для столовой располагалось в небольшом деревянном помещении с широкими скрипучими воротами. К нему примыкало стойло для лошади, помещение для саней, разной утвари.

Николай Федорович Ситников в меховом тулупе, в шапке-ушанке и валенках с трудом запрягал лошадь, готовился к поездке в лес. Его высокая плотная фигура в теплой одежде превратилась в копну сена, не способную сгибаться и разгибаться.

С приходом Руднева Николай Федорович оставил привычное занятие, подошел к комиссару. Его красное лицо сделалось пунцовым, усы были покрыты изморозью, изо рта, как из трубы, валил пар.

— Семен Васильевич, вы думаете в этой шинельке и сапогах ехать в лес, сидеть в засаде на кабана?

— Мороз вроде не сильный.

— Если из дому пробежать до штаба, то не сильный. А если ехать в лес, то замерзнете, — трубил Ситников.

Он завел комиссара в помещение. Достал меховой тулуп, валенки, шапку-ушанку.

— Одевайтесь, как следует.

Семен Васильевич быстро переоделся. Причем, тулуп натянул на шинель.

— Теперь порядок, — протрубил Ситников.

Красноармейцы запрягли лошадь, посередине саней положили винтовки и патроны. Все завалились в сани. В глубоком снегу виднелся след. По нему и держался ездовой. Лошадь фыркала, проваливалась в белый наст, но мчалась по уже наезженной дороге довольно быстро.

Когда попали на крутой поворот, ездовой замешкался. Лошадь вскочила в глубокий снег и остановилась. Мужчины встали с саней. Ездовой взял под узду лошадь и потянул ее на проторенный след. Остальные, проваливаясь в снегу, тащили на себе сани.

— Ничего, бывает, — успокаивал себя и комиссара Ситников, хотя Руднев не сказал ни слова упрёка.